
М. ГАРДЗАНИТИ

Университет Флоренции, Италия

**Дискуссия о «восточноевропейском предвозрождении»
и «славянском православном возрождении»:
плодотворный диалог на расстоянии**

РЕЗЮМЕ

На IV Международном съезде славистов, который состоялся в Москве (1958), Д. С. Лихачев выступил с докладом о втором южнославянском влиянии на Руси, где представил идею «восточноевропейского предвозрождения». Тезисы Лихачева получили несколько критических замечаний со стороны молодого Р. Пиккио, который в то время развивал идею «славянского православного возрождения» («rinascita slava ortodossa»). Цель статьи — вернуться к этой дискуссии с учетом развития исследований Д. С. Лихачева и Р. Пиккио.

Ключевые слова: Церковнославянская литература, восточноевропейское предвозрождение, славянское православное возрождение, второе южнославянское влияние на Руси.

Marcello Garzaniti (University of Florence, Italy). The Debate on ‘Eastern European Pre-Renaissance’ and ‘Orthodox Slavic revival’: A Fruitful Long-Distance Dialogue

ABSTRACT

At the 4th International Congress of Slavists, which took place in Moscow (1958), Dmitrii Sergeevich Likhachev presented a report on the Second South Slavic influence in Rus' and explained his idea of 'Eastern European Pre-Renaissance'. Likhachev's thesis received some critical comments from the young Riccardo Picchio, who was developing at the time the idea of 'Orthodox Slavic revival (rinascita)'. The article provides a revision of this debate between the two scientists in the light of the subsequent development of their academic research.

Keywords: Church Slavonic literature, Church Slavonic language, Eastern European Pre-Renaissance, Orthodox Slavic revival, Second South Slavic influence in Rus'.

На IV Международном съезде славистов, состоявшемся в Москве в сентябре 1958 г., первом после Второй мировой войны, Д. С. Лихачев представил доклад «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России», который имел значительный отклик в последующие годы. Ученый высказал тезис о «восточноевропейском предвозрождении», что стало попыткой переосмыслить понятие «второго южнославянского влияния» как на идеологическом, так и на литературном уровне.¹

Некоторое время спустя на страницах итальянского журнала «Ricerche slavistiche», основанного в начале 1950-х гг., тезис Д. С. Лихачева подвергся критике со стороны молодого Р. Пиккио, который в годы работы профессором

---

¹ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

Флорентийского университета (1954—1961) развивал идею «славянского православного возрождения» (*rinascita slava ortodossa*).² Итальянский ученый, в частности, опасался применения к византийско-славянскому миру категорий западной историографии, в данном случае категории Возрождения, и в то же время надеялся преодолеть ограничения, наложенные литературными канонами отдельных славянских национальных историографий. Пиккио также видел ряд противоречий в лихачевской трактовке выразительных средств второго южнославянского влияния. В следующем году итальянский ученый развил свои тезисы в книге «*Storia della letteratura russa antica*» («История древнерусской литературы»), которая остается фундаментальным свидетельством итальянского вклада в славянские исследования.³ В этой монографии, которую мы цитируем по второму изданию (1968), имеется глава «*La rinascita slava ortodossa*» («Славянское православное возрождение»).⁴

Если краткая заметка, возможно, поначалу и ускользнула от внимания Пушкинского Дома, то полноценная монография не осталась незамеченной — ответ Лихачева на замечания Пиккио последовал за появлением его «Истории древнерусской литературы». В своем кратком ответе заведующий Отделом древнерусской литературы знаменитого института, наверняка имевший перевод заметки и по крайней мере нескольких страниц «Истории древнерусской литературы» на русский язык,⁶ прежде всего обратился к возражениям, касающимся интерпретации форм выражения церковнославянской письменной традиции XIV—XV вв.⁷ По его мнению, с одной стороны, в ней прослеживалась четкая преемственность по отношению к средневековому «абстрагированию» речи, охватывающему различные литературные и стилистические формы, утвердившиеся в славянском мире вслед за византийской традицией, с другой стороны, возникла новаторская тенденция, проявившаяся в эмоциональности, художественной выразительности и ряде формальных элементов, характерных для стиля так называемого «плетения словес». Именно в этом утверждении Пиккио видел явное противоречие между идеологическим аспектом, который присутствовал в высоком процессе «абстрагирования» с исключением любого индивидуального элемента, и эмоциональным аспектом, который, казалось, был как-то связан с «конкретностью» и индивидуальностью.

² *Picchio R.* «Prerinasimento est-europeo» e «rinascita slava ortodossa»: A proposito di una tesi di D. S. Lichačev // *Ricerche slavistiche*. 1958. Vol. 6. P. 185—199. В плане терминологии следует отметить, что в краткой аннотации статьи Пиккио на русском языке (*Ibid.* P. 199) выражение «*rinascita slava ortodossa*» не переводится, а лишь поясняется словами: «„возрождение“ или „новый подъем“ славянского православия».

³ *Picchio R.* *Storia della letteratura russa antica*. Milano, 1959. (2-е изд., перераб. — Milano, 1968).

⁴ Русский перевод его книги вышел много лет спустя: *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Пер. И. В. Дергачевой и др. М., 2002. В этом переводе выражение «*rinascita slava ortodossa*» переводится как «славянское православное возрождение».

⁵ *Лихачев Д. С.* Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио // *ТОДРЛ*. Л., 1961. Т. 17. С. 675—678.

⁶ В ответе Лихачева цитируются отрывки из критической заметки Пиккио в русском переводе сотрудницы Отдела взаимосвязей ИРЛИ РАН Р. М. Гороховой.

⁷ Изложение концепций церковнославянской литературы и церковнославянского языка, которую мы приняли, следуя традиции Пиккио, см.: *Garzaniti M.* 1) *Church Slavonic (language)* // *Encyclopedic Dictionary of the Christian East* / Ed. E. Farrugia. Roma, 2015. P. 432—435; 2) *Church Slavonic literature* // *Ibid.* P. 435—444.

Уточняя свою мысль, Лихачев провел различие между конкретностью индивидуального выражения и выражением эмоциональности, все еще связанной с абстрактными формами высказывания, «лишенными индивидуальных элементов». В своих выводах русский ученый также подверг резкой критике идею «славянского православного возрождения», принимая во внимание не только краткую критическую заметку Пиккио, но и, прежде всего, его «Историю древнерусской литературы», но мы не можем останавливаться на поднятых вопросах. По мнению Лихачева, художественный и литературный расцвет Руси в XIV—XV вв. необходимо интерпретировать в широком контексте культурных изменений в Восточной Европе, где также проявлялись еретические тенденции, и для типологического определения международного горизонта больше подходит термин «предвозрождение».⁸

Это было не бесплодное столкновение академических позиций, а сопоставление различных интерпретационных парадигм для реконструкции важнейшего момента в культурной, а не только литературной, истории славянского мира и поздней средневековой Европы в целом. Оба ученых продолжили свои исследования, каждый — в своем русле, развивая различные интерпретации и открывая новые важные перспективы.

В 1970-е гг., после переезда из Рима в США (1971), Пиккио продолжал заниматься этим вопросом, о чем свидетельствует короткая, но содержательная статья, опубликованная на английском языке в журнале «*Slavia*» (1975), а позже вышедшая во французском переводе в томе «*Études littéraires slavo-romanes*», изданном во Флоренции (1978).⁹ Обращаясь к проблеме существования «русского гуманизма», ученый коротко проиллюстрировал свой оригинальный интерпретационный ключ: рассматривая аналогии и совпадения между Западной и Восточной Европой, он пришел к мнению, что важную роль сыграла диаспора из византийского мира, имевшая большое культурное влияние как на итальянский гуманизм, так и на восточнославянский мир, сохранявший всегда тесные религиозные и культурные связи с балканским славянством.

В частности, Пиккио сосредоточился на «критико-филологическом методе византийского происхождения» и подражании византийским культурным и литературным образцам, которое в балканском православном славянстве распространилось вместе с «книжной справой» со времен болгарского царя Ивана Александра. Его размышления о параллельном развитии Запада и Востока шли дальше, подчеркивая неоплатонические корни процесса культурного обновления и (повторного) открытия средств классической риторики, вплоть до постановки вопроса о языковом стандарте и орфографии. Эта фаза, по его мнению, достигла своего пика с прибытием Максима Грека в Москву и явно предшествовала утверждению в эпоху барокко «последовательного польско-рутенского (*polono-ruthéne*) варианта латинского гуманизма».¹⁰ В результате Пиккио подтвердил свою идею о «славянском православном возрождении» в противовес тезису о «восточноевропейском предвозрождении».¹¹

⁸ Лихачев Д. С. Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио. С. 677—678.

⁹ *Picchio R.* On Russian Humanism: The Philological Revival // *Slavia* (Praha). 1975. Vol. 44, No. 2. S. 161—171; пер. на фр. яз.: *Picchio R.* *Études littéraires slavo-romanes*. Firenze, 1978. P. 55—68.

¹⁰ *Ibid.* P. 64.

¹¹ *Ibid.* P. 59—60.

Однако сборник статей Р. Пиккио свидетельствует о том, что итальянский ученый идет в разных направлениях, проводя аналогии и параллели между западным и византийско-славянским миром как тематически, так и в формальном плане. В этом ключе, пусть это и покажется странным, он интерпретирует дискуссионный феномен изоколии в церковнославянской литературе, над которым Пиккио начал работать несколькими годами ранее, хотя и не завершил свой проект.¹² Форма ранней славянской прозы рассматривается параллельно с ритмической прозой латинского Петрарки, хотя и признается абсолютное различие идеологических принципов, лежащих в основе разных литературных традиций.¹³

Начиная с 1960-х гг. Лихачев систематически развивал и углублял идею «восточноевропейского предвозрождения», чтобы описать культурное развитие Древней Руси, уделяя внимание не только литературно-формальному аспекту,¹⁴ но и расширяя рамки исследования до художественного выражения вообще, о чем свидетельствуют его эссе об Андрее Рублеве и Епифании Премудром,¹⁵ а затем и книга по истории искусства, изданная сначала в Италии, а затем в России, уже после распада Советского Союза.¹⁶ Нам, однако, представляется важным остановиться на его идеях, высказанных в начале 1970-х гг., содержащихся во второй главе его книги «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили», где русский ученый предлагает краткое изложение своих мыслей. Эта работа содержит много глубоких критических замечаний.¹⁷

Во-первых, автор подчеркивает характеристики, определяющие так называемое «предвозрождение», то есть принцип эмоциональности и феномен открытия человека, хотя и в контексте, в котором «доминирующее положение занимала религия».¹⁸ Так, он пишет:

«Предвозрождение же только предвосхитило открытие человека, и прежде всего — в области его эмоциональной жизни. Индивидуальность человека в эпоху Предвозрождения была признана в сфере эмоций, а затем уже в сфере мыслей. Предвозрожденческая эмоциональность перекликалась с иррационализмом и мистицизмом и не была связана с секуляризацией».¹⁹

Говоря о европейском XIV веке, Лихачев так формулирует результат своих размышлений: «Индивидуализм и субъективизм рождаются в недрах самой

¹² Он выступил на эту тему на Международном съезде славистов, проходившем в Софии. См.: Пиккио Р. Изоколическая традиция и возникновение русского стихосложения // *Contributi italiani al X Congresso internazionale degli Slavisti* (Sofia, 1988). Salerno, 1988. P. 1—24. (Europa Orientalis; Vol. 7).

¹³ Picchio. *Études littéraires slavo-romanes*. P. 23—42.

¹⁴ Лихачев Д. С. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы / Под ред. Н. И. Балашова. М., 1967. С. 136—182; Лихачев Д. С. Русское Предвозрождение в истории мировой культуры // Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада / Под ред. Б. Г. Гафурова. М., 1974. С. 17—26.

¹⁵ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962.

¹⁶ Lichačev D. S. *Le radici dell'arte russa: Dal Medioevo alle avanguardie*. Milano, 1991 (на рус. яз.: Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992).

¹⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 75—126.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 77.

религии».²⁰ Эти характеристики, по его мнению, присутствуют в литературе Древней Руси между XIV и XV вв., особенно в творчестве Епифания Премудрого, и должны быть интерпретированы в контексте отношений с византийско-славянским миром, в частности с учением исихазма, которое развивалось во времена Второго Болгарского царства.²¹ Ученый вспоминает в связи с этим о циркуляции новых переводов с греческого, сделанных на Балканах, которые затем распространились на Руси, о присутствии болгарских и сербских писателей на Руси и в то же время подчеркивает центральную роль горы Афон.²² Представляется важным отметить его ссылки на «Сказание о письменах» Костантина Костенецкого и его концепцию языка как священной реалии, что свидетельствует о раннем внимании к филологическому пространству.²³

Отвечая на возражение Пиккио, русский ученый подчеркивает связь «эмоционального выражения» со стилем «плетение словес», главной целью которого, однако, оставалось пробуждение набожности.²⁴ Письменность Древней Руси пошла по пути, открытому балканскими литературами, в которых выражение эмоций сосуществовало с сильным процессом «абстрагирования», характерным для высокого стиля.²⁵ Поэтому русскому ученому представляется правомерным говорить об «абстрактном психологизме».²⁶ В этой связи можно привести особенно знаменательный отрывок, который перекликается с ответом Пиккио:

«В конце XIV — XV в. возникает повышенная эмоциональность, но она также в известной мере абстрактна: чувства обобщены, они лишены индивидуальных черт, мало связаны с самими носителями этих чувств, не сочетаются друг с другом, не слагаются в цельную картину душевной жизни литературного персонажа. Характер человека как некая цельность душевных свойств, эмоциональной жизни еще не открыт. В литературу вторгаются бурные эмоции, но нет эмоций индивидуальных, нет их индивидуальных же сочетаний. Человек обобщен, выступает вечно в своих вечных свойствах».²⁷

Мы считаем, что это размышление можно понять, только если принять во внимание христианскую неоплатоническую парадигму, доминирующую в византийской и византийско-славянской традиции, в которой индивидуальный опыт еще не нашел своего выражения. Таким образом, эта концепция радикально отличается от гносеологии, доминировавшей в западном мире. Средневековая схоластика, по сути, способствовала принятию аристотелевской парадигмы уже в XIII в., во многом благодаря арабским комментаторам Аристотеля, а в следующем столетии со своим рационалистическим подходом приняла вызов анализа конкретного опыта человека, как чувственного восприятия, так и мистического видения, стремясь переосмыслить христианский неоплатонизм в новом ключе.²⁸ Таким образом, западная культура пережила

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Там же. С. 79.

²² Там же. С. 79—83, 93—95.

²³ Там же. С. 85—88.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Там же. С. 89.

²⁶ Там же. С. 90.

²⁷ Там же. С. 89.

²⁸ В этой связи интересно ознакомиться с размышлениями русского философа Л. П. Карсина, который в своем эссе о Джордано Бруно дает пронизательную картину поздней схоластиче-

эпохальное изменение, которое обозначило существенную разницу с византийской и византийско-славянской традицией. Это является фундаментальной предпосылкой для понимания более поздних этапов культуры Балканской и Восточной Европы, которая развивалась в формах, отличающихся от латинского Запада, всегда в преемственности с христианским неоплатоническим наследием.²⁹

Таким образом, можно наблюдать параллельное развитие, с одной стороны, исихазма на Востоке, а с другой — рейнского мистицизма и «*devotio moderna*» на Западе, которые укоренились в *Slavia latina*, начиная с Богемии. Остается, однако, проанализировать, как развивались различные направления средневекового мистицизма, хотя и в рамках одной христианской традиции, следуя различным культурным парадигмам, вырабатывая собственные формы выражения. Но уже сейчас можно заметить, что различные культурные ориентации Западной и Восточной Европы — это не плод эпохи Возрождения, как часто повторяется, — они восходят к более раннему времени, то есть к закату Средневековья.

Идея предвозрождения, выдвинутая Лихачевым, имеет, таким образом, то достоинство, что он предвосхитил или, по крайней мере, почувствовал средневековые корни дифференциации европейских культурных процессов. Это становится очевидным, когда он говорит о «процессе абстрагирования» древнерусской литературы, не опирающейся на «конкретность», или когда он проводит параллель между «эмоционально-экспрессивным стилем» и тенденциями готического искусства,³⁰ или когда он подчеркивает психологический аспект исихазма,³¹ ссылаясь на учение о чувствах, изложенное Григорием Паламой, и, наконец, когда он обращается к аскетической мысли Нила Сорского, рассматривая наследие исихазма в XVI веке в России.³² Это еще раз подтверждают его отсылки к размышлениям Э. Панофского об истории готического искусства³³ и (хотя и проведенные несколько бегло) параллели с францисканством³⁴ и поздней готикой.³⁵ Некоторые сложности его интерпретации могут быть объяснены особенностями доминирующей культуры его времени. Так, например, Лихачев упоминает феодализм или Ренессанс как универсальные исторические фазы. Сегодня все эти вопросы мы неизбежно воспринимаем по-другому.

Мы не будем останавливаться на проблеме тесной связи, которую русский ученый усматривает между литературой и искусством вообще — в период

ской дискуссии, в которой как раз и подчеркивается этот фундаментальный аспект: «И старый спор реалистов с номиналистами перешел в новую фазу, а основой стал неразрешимый рационально вопрос о принципе индивидуации, *principium individuationis*» (*Карсавин Л. П.* Джордано Бруно. СПб., 2016. С. 168).

²⁹ Для иллюстрации различий культурного развития внутри славянского мира можно прочитать главу «*Slavia orthodoxa e Slavia latina: культура*» в нашем введении в культурную историю славян (*Garzaniti M.* *Gli slavi. Storia, culture e lingue dalle origini ai nostri giorni* / Ed. F. Romoli. Roma, 2019. P. 207—219 (1-е изд. Roma, 2013); пер. на польск. яз.: *Słowianie. Historia, kultury i języki*. Łódź, 2023).

³⁰ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 93.

³¹ Там же. С. 95.

³² Там же. С. 96—97.

³³ Там же. С. 98—99.

³⁴ Там же. С. 100—101.

³⁵ Там же. С. 123.

активного развития отношений между византийским и балканским миром и Древней Русью, чему он посвящает несколько прекрасных страниц в этом эссе, даже вступая в полемику с некоторыми авторитетными историками искусства.³⁶ Для нас важнее его размышления о «предвозрождении», понимаемом как «возвращение к своей древности», особенно как повторное присвоение «национального прошлого». Согласно его реконструкции, в средиземноморском мире это «обращение к античности, воспринимавшейся и в Византии, и в Италии как свое национальное прошлое», должно было произойти уже в XIV веке. Само движение исихастов справедливо трактуется в свете преемственности и обновления традиции древнего монашества, в частности, благодаря посредничеству Афонской горы.³⁷ Так, ученый усматривает процесс возвращения к прошлому в художественном и литературном возрождении традиций домонгольской Руси³⁸:

«„Своя античность“ — период домонгольского расцвета древнерусской культуры — при всей ее притягательности для Руси конца XIV — XV в. не могла замесить собой настоящей античности, — античности Греции и Рима с их высокой культурой рабовладельческой формации».³⁹

Эти же размышления могли бы быть применены и по отношению к Балканскому славянскому миру, что открыло бы новые интересные перспективы и, возможно, позволило бы взглянуть на культурное обновление южнославянского мира как на открытие его кирилло-мефодиевских корней. Это могло бы объяснить не только обращение Лихачева к «Сказанию о письменах» Константина Костенецкого, но и в целом обновление рукописной традиции на основе древних рукописей, а также возрождение кирилло-мефодиевской письменности. Это привело бы к более широкой интерпретации церковнославянской литературы той эпохи, способной преодолеть рамки различных национальных парадигм, еще далеких от своего полного формирования, в которых религиозная традиция оставалась бьющимся сердцем, как подчеркивал Пиккио в определении «славянское православное возрождение».

Еще более сложным вопросом является интерпретация позднего периода русской культурной истории между XV и XVI вв., которого Лихачев касается лишь вскользь в последнем параграфе главы о «конце русского предвозрождения».⁴⁰ Эпилогом неудачного развития ученый называет конец независимости городов Новгорода и Пскова, процесс централизации Московского государства, победу официальной церкви над ересями, падение Византии и разрыв с Западом после Флорентийского собора. Далее следует глава «Литература периода второго монументализма»,⁴¹ которая иллюстрирует литературу XV—XVI вв., где ученый отходит от предыдущих размышлений.

По его мнению, в это время Москва не только смогла утвердить свое политическое и религиозное господство, взяв на себя ведущую роль, но и преуспела в развитии письменности, способной ассимилировать различные местные культурные традиции, представляя себя наследницей Владимира

³⁶ Там же. С. 103—112.

³⁷ Там же. С. 93—95.

³⁸ Там же. С. 114.

³⁹ Там же. С. 119.

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 127 и след.

и Киева. Достаточно проследить за историей ее отношений с Тверью и Новгородом, чтобы понять роль письменности в этом процессе централизации и ассимиляции. Соппротивление, равно как и экспансионистские цели, также проявлялись в литературе в создании или ассимиляции форм и мотивов. Эти трансформации, однако, нельзя рассматривать только с точки зрения процесса сохранности, как предлагает русский ученый, а следует изучать в свете культурного преобразования, призванного реагировать на новое состояние Восточной Европы, сложившееся в конце Средневековья с началом Нового времени, когда произошел исторический перелом, до сих пор недостаточно осознанный литературной критикой в области церковнославянской письменности.

Идея об этой цезуре в литературе между XV и XVI вв., хотя и была, по сути, подхвачена литературными критиками, пока не привела к пониманию того, что произошел разрыв с предыдущей эпохой. Вероятно, главная сложность заключается в трудности сосредоточить внимание на том сплетении событий середины XV в., от Флорентийского собора, падения Константинополя до утверждения автокефалии русской церкви, которые за несколько десятилетий изменили культурные горизонты восточнославянского мира и в Русском, и в Польско-Литовском государствах, ускорив его центробежный процесс длительным конфликтом с Польско-Литовским государством и заставив его радикально переосмыслить себя.⁴²

Несомненно, формулировки Лихачева и Пиккио отражают атмосферу того времени и язык тогдашнего литературоведения, и в некоторых отношениях они могут показаться старомодными или устаревшими, но по существу поставленных проблем и широте взглядов они не могут не вызывать чувств благодарности и восхищения, демонстрируя, насколько плодотворным, пусть и на расстоянии, был диалог между учеными разных взглядов и традиций.

Спустя более шестидесяти лет после зарождения этих размышлений наши знания о культуре византийско-славянского мира XIV—XV вв. необычайно расширились, хотя до нового общего синтеза еще далеко. Были проведены обширные исследования так называемой Тырновской школы, в частности техники перевода XIV в., изучение рукописной традиции Афонской горы, византийского исихазма и его распространения в славянском мире, а также паламизма; наконец, был произведен глубокий анализ деятельности кружка архиепископа Геннадия в Новгороде и присутствия Максима Грека в России. Библиографию исследований на самых разных языках сейчас, кажется, трудно освоить, а память об этих дебатах 1950-х гг., похоже, почти полностью утрачена.⁴³

⁴² О периодизации древнерусской литературы см. *Гардзанити М.* Периодизация литературы допетровской эпохи и конец Средневековья в России // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2019. Т. 78, № 3. С. 5—13. В этой статье мы рассмотрели предисловия к различным томам «Библиотеки литературы Древней Руси» (БЛДР), написанные Лихачевым, в которых излагаются основные этапы восточнославянской письменной традиции, от Древней Руси до Московской Руси. В «Storia della civiltà letteraria russa» под редакцией М. Колуччи и Р. Пиккио граница между Средневековьем и Новым временем более очевидна: начиная с XVI в. в книге рассматривается история литературы только Московской Руси и подчеркивается центральная роль столицы. В первом томе первая часть названа «Литература средневековой Руси», а вторая озаглавлена «Литература Московии» (Storia della civiltà letteraria russa / Ed. M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. Vol. 1).

⁴³ Исключением являются недавние исследования Х. Р. Купера и В. С. Томеллери, которые, однако, рассматривают вопрос только в связи с дебатами о распространении гуманизма в православном славянстве и конкретно в Московском государстве (*Cooper H. R. Humanism and Muscovite*

В свете исследований, посвященных славянскому и византийскому миру XIV—XV вв., выполненных на материале отдельных литературных и художественных произведений, деятельности различных личностей или истории движений того времени, этот вопрос должен быть поднят вновь, также с использованием междисциплинарного подхода, характерного для последних десятилетий. В культурно-историческом аспекте, свободном от старых и новых идеологий (не исключая жесткого литературного или филологического формализма), вопросы, поставленные этими прославленными учеными, рассуждающими о «восточноевропейском предвозрождении» и «славянском православном возрождении», возможно, получили бы лучший ответ. Несомненно, размышления Лихачева и Пиккио, помимо реконструкции различных канонов национальных литератур, могут и должны стимулировать нас к тому, чтобы прилагать новые усилия по воссозданию сложной картины культурного и литературного развития XIV—XV вв. на европейской и славянской почве.

Список литературы

- Гарзанити М.* Периодизация литературы допетровской эпохи и конец Средневековья в России // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2019. Т. 78, № 3. С. 5—13.
- Карсавин Л. П.* Джордано Бруно. СПб.: Наука, 2016. 267 с.
- Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
- Лихачев Д. С.* Русское Предвозрождение в истории мировой культуры // Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада / Под ред. Б. Г. Гафурова. М.: Наука, 1974. С. 17—26.
- Пиккио Р.* Изоколическая традиция и возникновение русского стихосложения // *Contributi italiani al X Congresso internazionale degli Slavisti* (Sofia, 1988). Salerno, 1988. P. 1—24. (Europa Orientalis; Vol. 7).
- Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Пер. И. В. Дергачевой и др. М.: Кругъ, 2002. 350 с.
- Cooper H. R.* Humanism and Muscovite culture // *Perivoj od slave. Zbornik Dunje Fališevac* / Ed. T Bogdan, I. Brković, D. Dukić, L. Plejić Poje. Zagreb: FF-Press, 2012. P. 71—97.
- Garzaniti M.* Church Slavonic (language) // *Encyclopedic Dictionary of the Christian East* / Ed. E. Farrugia. Roma: Pontifical Oriental Institute, 2015. P. 432—435.
- Garzaniti M.* Church Slavonic literature // *Encyclopedic Dictionary of the Christian East* / Ed. E. Farrugia. Roma: Pontifical Oriental Institute, 2015. P. 435—444.
- Garzaniti M.* Gli slavi. Storia, culture e lingue dalle origini ai nostri giorni / Ed. F. Romoli. Roma: Carocci, 2019. 491 p. (1-е изд. Roma: Carocci, 2013. 476 p.); пер. на польск. яз.: *Słowianie. Historia, kultury i języki*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2023. 568 s.).
- Lichačev D. S.* Le radici dell'arte russa: Dal Medioevo alle avanguardie. Milano: Fabri Editori, Bompiani, 1991. 380 p. (на рус. яз.: *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 407 с.).
- Picchio R.* Études littéraires slavo-romanes. Firenze: Licosa editrice, 1978. 207 p. (Studia historica et philologica, VI. Sectio slavoromanica, 3).

---

culture // *Perivoj od slave: Zbornik Dunje Fališevac* / Ed. T Bogdan, I. Brković, D. Dukić, L. Plejić Poje. Zagreb, 2012. P. 71—97; *Tomelleri V. S.* Alcune osservazioni su Medioevo e Umanesimo nella Moskovskaja Rus' // *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo* / Ed. G. Moracci, A. Alberti. Firenze, 2013. P. 89—120). С. Тоскано — единственная, кто внимательно следила за дебатами, хотя она фокусируется в основном на языково-литературном и терминологическом аспектах (*Toscano S.* Ancora sul (pre)rinascimento russo // *Ricerche slavistiche* (Roma). 2012. Vol. 10 (66). P. 289—303).

Picchio R. On Russian Humanism. The Philological Revival // *Slavia* (Praha). 1975. Vol. 44, No. 2. P. 161—171.

Storia della civiltà letteraria russa / Ed. M. Colucci, R. Picchio. Torino: UTET, 1997. Vol. 1. XVIII, 789 p.; Vol. 2. XII, 897 p.

Tomelleri V. S. Alcune osservazioni su Medioevo e Umanesimo nella Moskovskaja Rus' // Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo / Ed. G. Moracci, A. Alberti. Firenze: University Press, 2013. P. 89—120.

Toscano S. Ancora sul (pre)rinascimento russo // *Ricerche slavistiche* (Roma). 2012. Vol. 10 (66). P. 289—303.

References

Garzaniti M. Periodizatsiia literatury dopetrovskoi epokhi i konets Srednevekov'ia v Rossii // *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii literatury i iazyka*. 2019. T. 78, № 3. S. 5—13.

Karsavin L. P. Giordano Bruno. Sankt-Peterburg: Nauka, 2016. 267 s.

Likhachev D. S. Razvitie russkoi literatury X—XVII vekov. Epokhi i stili. Leningrad: Nauka, 1973. 254 s.

Likhachev D. S. Russkoe Predvozrozhdenie v istorii mirovoi kul'tury // *Istoriko-filologicheskie issledovaniia: Sbornik statei pamiati akademika N. I. Konrada / Pod redaktsiei B. G. Gafurova*. Moskva: Nauka, 1974. S. 17—26.

Picchio R. Istoriia drevnerusskoi literatury / Perevod I. V. Dergachevoi i drugikh. Moskva: Krug", 2002. 350 s.

Picchio R. Izokolicheskaiia traditsiia i vozniknovenie russkogo stikhoslozheniia // *Contributi italiani al X Congresso internazionale degli Slavisti* (Sofia, 1988). Salerno, 1988. P. 1—24. (*Europa Orientalis*; Vol. 7).